

Польские проекты морального разоружения в межвоенный период: тактика Ю. Пилсудского и Ю. Бека

Кузьмичева Анастасия Евгеньевна
Кандидат исторических наук, доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация
E-mail: aekuzmicheva@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0304-5154

Цитирование

Кузьмичева А. Е. Польские проекты морального разоружения в межвоенный период: тактика Ю. Пилсудского и Ю. Бека // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 120–134. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.06

Финансирование

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 24-18-00461, <https://rscf.ru/project/24-18-00.461/>.

Статья поступила в редакцию 17.01.2024.

Рецензирование завершено 19.01.2024.

Статья принята к публикации 12.03.2024.

Аннотация

В статье рассматривается сотрудничество Польши с Лигой наций в межвоенный период. Особое внимание уделяется роли польской дипломатии в разработке проекта морального разоружения. Под «моральным разоружением», которое противопоставлялось материальному, подразумевалось использование психологических, этических и идеологических аспектов для уменьшения агрессии, создание благоприятной обстановки для мира и поощрение разрешения конфликтов путем переговоров и дипломатии. Варшава регулярно подчеркивала приоритетность морального разоружения перед военным, доказывая, что разоружение само по себе не приведет к автоматическому прекращению военных конфликтов, если воля к борьбе сохранится. Эти идеи попали на благодатную почву дипломатии того времени и были восприняты как действенный механизм в борьбе за мир, так как он органично вписывался

в систему пакта Бриана-Келлога и Локарнские соглашения, представляя собой логическое продолжение и развитие этих идей. Однако, несмотря на их потенциальную действенность, этим проектам не было суждено реализоваться. Частично это было связано с тем, что уже в начале 1930-х гг. фактический руководитель внешней политики Польши Ю. Пилсудский пришел к выводу о неэффективности Лиги наций как таковой, а также системы коллективных договоров, отдав предпочтение выстраиванию отношений с соседями в двустороннем порядке.

Ключевые слова

Ю. Пилсудский, Ю. Бек, Лига наций, моральное разоружение, межвоенная дипломатия, международные отношения в 1920-е – 1930-е гг., II Речь Посполитая.

В условиях формирования основ независимой Польши факт создания 10 января 1920 г. Лиги наций в Варшаве рассматривали с интересом, но и со значительной долей сдержанности. Роман Дмовский в Комиссии Лиги наций во время работы мирной конференции в Париже не высказал никакой инициативы и фактически воздержался от участия в ней. Игнаций Падеревский был возмущен тем, что среди членов Лиги не было Соединенных Штатов, и в этой связи не верил в успех данной организации¹, а глава государства Юзеф Пилсудский относился к Лиге даже весьма критично. Основными слабостями этой организации он считал отсутствие собственных вооруженных сил², привилегированную позицию великих держав, а также право Лиги вмешиваться во внутренние дела Польши, прежде всего в вопрос соблюдения ею прав национальных меньшинств.

Сотрудничество Польши с Лигой наций условно можно разделить на несколько периодов:

- 1) 1920–1923 гг. – Польша рассматривала Лигу как важный элемент международной безопасности и основную защиту для средних и малых стран. Кроме того, Лига во многом помогала регулировать отношения с Гданьском и решать вопросы защиты прав национальных меньшинств;

1 *Michowicz W.* Ewolucja stanowiska Polski wobec Ligi Narodów w okresie międzywojennym // *Polska wobec idei integracji europejskiej w latach 1918–1945.* Zbiór studiów pod redakcją M. Wojciechowskiego. Toruń, 2000. S. 12.

2 *Ibid.*

- 2) 1924–1933 гг. – расцвет сотрудничества Польши с Лигой наций в сфере стабилизации постверсальской системы безопасности. Под эгидой Польши были подготовлены два важных проекта, целью которых было сохранение и поддержание мира, – резолюция ассамблеи Лиги о запрете агрессивной войны (1927) и проект конвенции о моральном разоружении (1931–1932);
- 3) 1934–1938 – постепенное отдаление Польши от Лиги наций – начиная с одностороннего снятия с себя в сентябре 1934 г. обязательств по статье 12 о нацменьшинствах договора с великими державами от 28 июня 1919 г. и заканчивая отзывом польской делегации из Женевы в ноябре 1938 г.

В рамках данной статьи будет рассмотрен второй период сотрудничества.

Важно подчеркнуть, что до 1933 г. Польша в Лиге наций являлась важным элементом стабилизации Версальской системы и инструментом защиты от ревизионистских устремлений Германии. Именно поэтому в 1920-х гг. польская дипломатия поддерживала все усилия Лиги, направленные на создание эффективной системы безопасности, а также разработку соответствующих гарантий в сфере региональных договоров, обеспечивающих помощь жертве агрессии (Резолюция XIV ассамблеи Лиги наций в 1922 г.³ и Женевский протокол от 1924 г.⁴). Польская дипломатия была категорически против принятия в Лигу наций Германии в качестве постоянного члена Совета Лиги, о чем стали говорить уже в 1924 г. Для Варшавы главным условием такого шага должны были стать гарантии безусловного исполнения международных обязательств, наложенных на Германию Версальским договором, а также предоставление Польше, наравне с Германией, места постоянного члена Совета Лиги. Тем не менее, несмотря на свои внешнеполитические устремления, в конечном итоге

3 Резолюция XIV Ассамблеи Лиги Наций от сентября 1922 г. одобрила рекомендацию комиссии по разоружению о заключении договора о коллективной безопасности.

4 Женевский протокол о мирном разрешении международных споров был предложением к Лиге Наций, представленным премьер-министром Великобритании Рамсеем Макдональдом и его французским коллегой Эдуардом Эррио. Он устанавливал обязательный арбитраж споров и создал метод определения агрессора в международных конфликтах. Все юридические споры между нациями передавались на рассмотрение Мирового суда. Он призывал создать конференцию по разоружению в 1925 г.

Польше пришлось довольствоваться местом полупостоянного члена, что не могло не стать еще одним кирпичом в стене отчуждения между Варшавой и Женевой⁵.

В Совет Лиги наций Польшу избирали четыре раза (в 1926, 1929, 1932 и 1935 гг.). Август Залеский, министр иностранных дел Польши в 1926–1932 гг., был апологетом сотрудничества с Лигой. Однако, как уже отмечалось выше, сам маршал Пилсудский иллюзий в отношении этой международной организации не питал, справедливо полагая, что чрезмерная вовлеченность Польши в неинтересные для нее проблемы (например, колониальные вопросы) пагубно сказывается на внешней политике страны, прибавляя случайных друзей и врагов. С течением времени скептицизм маршала лишь возрастал.

Для самой Польши положение «полупостоянного» члена стало скорее пирровой победой. С одной стороны, это придало ей больший вес в Женеве и дополнительный импульс ее стараниям обрести признаваемый другими государствами статус великой державы. И, что еще важнее, теперь она стала членом того органа Лиги, который постоянно занимался двумя «польскими проблемами» – Данцигом и немецким меньшинством⁶. Отныне Польше на заседаниях Совета не надо было ограничиваться ролью смиренного ответчика, оправдывавшегося за свои действия в Данциге и отношении к немецкому меньшинству в ее границах. С другой же стороны, осознание того факта, что данное положение Польша достигла лишь благодаря предоставлению Германии места постоянного члена, во многом снижало уровень эйфории польской дипломатии⁷. В действительности в период членства Германии в Лиге (1926–1933 гг.) Польша имела

5 Подробнее см.: *Korczyk H. Przyjęcie Niemiec i Polski do Rady Ligi Narodów w 1926 roku. Wrocław, 1986.*

6 Согласно Версальскому договору и договору о меньшинствах (получившему название Малого Версальского договора и подписанному 28 июня 1919 г. Польшей) Совет Лиги наций был наделен правом и обязанностью вмешиваться в вопрос о нацменьшинствах в случае получения от них петиции о нарушении гарантированных им прав. Подробнее см.: *Матвеев Г. Ф. Институт защиты национальных меньшинств Лиги наций и его место в становлении международной нормы самоопределения наций // Электронный научно-образовательный журнал История. 2016. № 5 (49); Stachura P. Poland, 1918–1945: an interpretive and documentary history of the Second Republic. London, 2004. P. 79–100.*

7 Подробнее см.: *Walters F. P. A History of the League of Nations. London; New York; Toronto, 1965. Chapters 24 and 27.*

скромный вес во всех сферах деятельности этой международной организации. Даже на заседаниях Конференции по разоружению роль Польши сводилась к поддержке просьб французской делегации о «безопасности до разоружения»⁸.

Планы, подчеркивающие роль и значение морального разоружения (*désarmement moral*)⁹, не являлись оригинальной идеей польской дипломатии. В историографии этот вопрос часто связывается именно с Польшей главным образом потому, что идея морального разоружения в польских проектах получила наиболее полное и широкое выражение.

Само понятие «морального разоружения» является достаточно обширным и пространным. Главным образом под ним понимается совокупность действий, направленных на исключение из сферы международных отношений любой ненависти и насилия. Позитивным аспектом является сближение между народами путем развития сотрудничества, включающего в себя самые разные, иногда очень обширные сферы, а также точное и неукоснительное соблюдение прав и обязанностей, которые предписывают международные договоры. Таким образом, моральное разоружение представляет собой нематериальную сторону общего процесса разоружения.

Александр Ледницкий, один из самых активных апологетов морального разоружения, следующим образом сформулировал цель данного проекта: «Хорошо отнять у людей материальное вооружение, но еще лучше убедить их, что они не должны сражаться, даже когда они не вооружены. Я называю это необходимостью искоренить в человеке военные инстинкты. [...] Материальное разоружение, политическое разоружение, экономическое разоружение и моральное разоружение должны осуществляться одновременно...»¹⁰.

Идеи морального разоружения попали на благодатную почву дипломатии того времени и были восприняты как действенный механизм в борьбе за мир и улучшение отношений между государствами. Своим рождением идея морального разоружения обязана Аристиду

8 Ibid. P. 221.

9 Подробнее о моральном разоружении см.: *Michowicz W.* Polskie plany rozbrojenia moralnego w okresie międzywojennym // *Kwartalnik Historyczny*. 1975. № 2. S. 321–346; *Kolasa J.* The International Intellectual Cooperation Organization of the League of Nations. Wrocław, 1962. S. 68 et al.; *Sierpowski S.* Polskie plany moralnego rozbrojenia w okresie międzywojennym // *Studia z dziejów najnowszych*. Wrocław, 1989. S. 121–132.

10 Цит. по: *Sierpowski S.* Polskie plany... S. 121.

Бриану. Бенефис состоялся во время Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. Во время третьего пленарного заседания 21 ноября 1921 г. Бриан заявил о готовности Франции «совершить величайшую жертву [...] сложить оружие и, делая это, сплотиться, помогая закладывать основы постоянного мира». Но на тот момент Франция находилась в такой сложной ситуации, что не могла согласиться ни с одним планом сухопутного разоружения, пока текущая политическая ситуация не исключает вероятности агрессии со стороны проигравших войну стран. Отсутствие в них морального разоружения французский министр иностранных дел выделил как один из ключевых элементов подобного положения. «Для создания мира необходимы двое: ты и твой сосед. [...] Нация также должна быть окружена тем, что я могу назвать мирной атмосферой; разоружение должно быть как моральным, так и материальным. И моральное разоружение должно происходить одновременно с материальным, и я имею право утверждать, что в Европе – такой, какая она есть сейчас – по-прежнему существуют серьезные элементы дестабилизации»¹¹. Под «элементами дестабилизации» Бриан, естественно, имел в виду проигравшие войну страны, в том числе Германию, которые, возможно, захотели бы реванша.

Выступление Бриана в Вашингтоне сыграло существенную роль в появлении вопроса морального разоружения на форуме Лиги наций. Эта проблема фигурировала в 14-й резолюции и рекомендациях, принятых III Ассамблеей Лиги наций 27 сентября 1922 г. Однако стоит отметить, что о моральном разоружении было упомянуто лишь в конце документа, в приложении. Ассамблея сочла, что при материальном разоружении необходимо также брать во внимание моральное, так как оно может происходить только в атмосфере полной безопасности и доверия¹².

Благодаря этой декларации идеи морального разоружения на какое-то время вошли в дипломатический дискурс. Уже вскоре, в декабре 1922 г., во время Московской конференции по сокращению вооружений глава польской делегации Я. Радзивилл поставил вопрос о необходимости морального разоружения для сохранения и поддержания мира. Он отметил, что эта цель может быть достигнута только в атмосфере безопасности и взаимного доверия. На практике речь шла о том,

11 Wells H. G. Washington and the hope of peace. In an appendix are given verbatim reports of the speeches of Mr. Hughes and M. Briand. London, 1922. P. 233–257.

12 Sierpowski S. Polskie plany... S. 123.

что конференция должна была сформировать две комиссии – техническую и политическую, при этом приоритет должен был быть отдан последней (решения политической комиссии должны были подготовить базу для работы технической)¹³. Работа этой комиссии над моральным разоружением должна была стать отправной точкой для работы военной комиссии. Советская сторона, заинтересованная в проведении конференции, открыто не противоречила польским предложениям, однако и не скрывала своего скептического отношения, справедливо полагая, что предложенное Москвой сокращение вооружения и другие цели «вполне конкретны, осуществимы и не могут быть заменены никакими разговорами о так называемом “моральном разоружении”, о котором так часто приходится слышать на международных конференциях, когда их участники желают под благовидным предлогом уйти от действительного осуществления популярного лозунга»¹⁴.

В 1925–1927 гг. во время работы Подготовительной комиссии к конференции по разоружению¹⁵ предпринятые польской дипломатией усилия по продвижению идеи морального разоружения опять не принесли ощутимых результатов, даже несмотря на поддержку Франции и ее союзников, а также на фоне развертывания очередной антипольской ревизионистской кампании в Германии¹⁶. Однако

13 Хайцман В. М. СССР и проблема разоружения: (между первой и второй мировыми войнами). М., 1959. С. 65.

14 Документы внешней политики СССР (далее – ДВП СССР). Т. VI. М., 1962. С. 27.

15 12 декабря 1925 г. Совет Лиги наций образовал Подготовительную комиссию к конференции по разоружению, на которую возлагалась подготовка к конференции по сокращению и ограничению вооружений. Было решено, что в комиссию войдут представители государств – членов Совета Лиги наций (в 1925–1926 гг. это Великобритания, Франция, Италия, Япония (постоянные члены) и Чехословакия, Бельгия, Швеция, Испания, Бразилия, Уругвай (временные члены)) и представители стран, находящихся в отношении проблемы разоружения в особых условиях вследствие их географического положения (ими были признаны Польша, Румыния, Югославия, Болгария, Финляндия, Голландия, позднее – Аргентина и Чили); также вошли и страны, не входящие в Лигу, – СССР, Германия и США.

16 Подробнее см.: Fiedor K. Formy antypolskiej działalności w Prusach Wschodnich w latach 1918–1939 // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1967. № 4. S. 485–517; Sobczak J. Propaganda zagraniczna Niemiec weimarskich wobec Polski. Poznań, 1973; Sobczak J. Propaganda zagraniczna Niemiec weimarskich wobec Polski. Poznań, 1973.

наряду с этим достаточно широко деятельность сторонников идеи морального разоружения распространилась на научную сферу, особенно на историю и право. Во время конференции в Женеве, созванной с целью унификации уголовного права, Польша представила свой проект, предлагающий включить в уголовные кодексы положение о наказании за пропаганду войны. Тот факт, что 113-я статья Уголовного кодекса Польши гласила: «Тот, кто публично призывает к наступательной войне, будет подвергнут тюремному заключению сроком до 5 лет»¹⁷, давал польской дипломатии все основания включить этот пункт в общую программу морального разоружения.

Во время работы Подготовительной комиссии польское правительство, с одной стороны, планировало препятствовать решениям, которые бы эвентуально снижали численность польских вооруженных сил ниже уровня, который Варшава считала для себя безопасным, с другой же стороны, оно намеревалось использовать площадку форума для презентации польских внешнеполитических концепций, создающих образ государства, стремящегося к стабилизации международных отношений.

Действительно, на сентябрьском 1927 г. заседании Лиги наций польская делегация внесла проект декларации о запрете любой наступательной войны, а также предложение о мирном решении споров между государствами. И даже несмотря на то, что в конечном счете эти проекты приняты не были, польский вариант декларации, по оценкам польской делегации, «привнес несомненно доброжелательное изменение мнения о Польше в Европе, где враждебная нам пропаганда постоянно подчеркивала якобы агрессивные намерения и неопределенное положение Польши»¹⁸.

В ходе заседаний Конференции по разоружению в Женеве (1932–1937 гг.) главная цель польской дипломатии заключалась в том, чтобы не допустить даже самого малейшего сокращения Войска Польского и сохранить статус-кво в области вооружения. Подобное поведение было прямым следствием основного канона польской внешней политики – абсолютная поддержка международных договоров, сдерживавших вооружения Германии до уровня, обозначенного в Версальском договоре. Другими словами, поляки были убеждены в том, что уровень разоружения должен быть прямо пропорционален уровню

17 Kodeks karny z komentarzem. Lwów, 1932. S. 195.

18 Archiwum Akt Nowych (далее – ААН). Delegacja RP przy Lidze Narodów w Genewie. 2/513/0/-/170. S. 60.

безопасности. Именно поэтому польская делегация в Женеве последовательно противодействовала принятию немецкого постулата о равенстве прав, продвигая идею морального разоружения как начального этапа перед материальным разоружением¹⁹.

О проблемах морального разоружения стали активно говорить в Лиге наций во время XI Ассамблеи в сентябре 1930 г., когда румынский министр иностранных дел Георге Миронеску в весьма категоричной форме заявил, что само по себе разоружение является лишь одной из функций морального разоружения. Однако польский министр Залеский в своем выступлении оставил румынские инициативы без внимания²⁰.

Новым началом активных действий польской дипломатии на пути к моральному разоружению стал меморандум, направленный польским правительством 14 сентября 1931 г. Генеральному секретарю Лиги наций сэру Эрику Драммонду. В нем поляки укоризненно замечали, что члены Лиги все еще вынуждены «в первую очередь полагаться на собственные силы в случае неспровоцированной агрессии [...] а некоторые государства навсегда останутся за рамками Лиги наций, и на них не распространяются договорные обязательства»²¹. Польская сторона также подчеркивала, что «несовершенство международных договоров и соглашений в сфере безопасности до сих пор вынуждает Польшу основывать свою безопасность преимущественно на вооруженных силах»²². Этот объемный документ содержал материалы о состоянии польских вооруженных сил и соображения польской дипломатии по вопросам разоружения, в том числе морального. В меморандуме говорилось, что конвенция о моральном разоружении должна включать в себя несколько направлений: уголовный кодекс, образование, СМИ, культура. В этой связи польская сторона предлагала: 1) кодификацию права в отдельных странах, чтобы оно осуждало войну как средство ведения международной политики и предусматривало наказание

19 См. подробнее: *Brzeziński A. M.* Warszawa–Paryż–Genewa: sojusz polsko-francuski a problem rozbrojenia w dwudziestoleciu międzywojennym, 1919–1937. Łódź, 1996; *Michowicz W.* Genewska Konferencja Rozbrojeniowa (1932–1937) a dyplomacja polska. Łódź, 1989.

20 В польской и румынской историографии существует спор о том, какой из стран принадлежит «право» на моральное разоружение. Подробнее см.: *Sierpowski S.* Polskie plany... S. 126. Сноска 11.

21 AAN. Delegacja RP przy Lidze Narodów w Genewie. 2/513/0/-/186. S. 107.

22 Ibid. S. 122.

за подстрекательство к войне или любую другую деятельность, нарушающую мир; 2) учреждение международного дисциплинарного трибунала для журналистов, который был бы наделен властью лишать их права на осуществление профессиональной деятельности, если она угрожала мирным отношениям между государствами; 3) создание системы воспитания молодежи в духе уважения и доверия к иностранцам; 4) проведение международной дискуссии по вопросу реализации морального разоружения. Помимо этого, польская сторона предлагала введение в школах обязательного предмета, посвященного целям и деятельности Лиги наций, а также создание в университетах специальных кафедр изучения Лиги (sic!)²³. Более того, польское правительство выражало опасения относительно эвентуальных военных действий, так как «из политической ситуации Польши следует, что это государство обязано считаться с вероятностью быть атакованным с нескольких сторон. Протяженность уязвимых границ, на которых могут вспыхнуть военные действия, составляет 3 986 км»²⁴. Именно поэтому, по утверждению польского правительства, жизненно необходимо учитывать состояние вооруженных сил военно-морского флота, военный потенциал страны и другие факторы. По мнению поляков, нынешнее состояние польской армии совершенно не отвечало потребностям, вытекающим из вышеизложенного положения. Более того, предлагаемые конференцией ограничения вооружения грозили Польше новой потерей независимости²⁵.

По просьбе польского правительства секретариат Лиги разослал этот меморандум всем странам, приглашенным на Конференцию по разоружению в Женеве в 1932 г.²⁶

К сожалению, данный текст имел слишком общий характер и ничего конкретного не предлагал. Идея кодификации права уже была выдвинута несколькими годами ранее, так что не являлась чем-то принципиально новым. Вероятно, общий характер документа объяснялся желанием польской дипломатии достичь повсеместного

23 См. *Brzeziński A.* Maria Skłodowska-Curie a polski projekt “rozbrojenia moralnego” w Lidze Narodów (1931–1933) // *Annales UMCS, Historia*. 2011. T. 1. № 66. S. 119–138; *Stawecki P.* Stanowisko polskiego Sztabu Generalnego wobec problemu rozbrojenia w latach 1921–1934 w świetle akt proweniencji wojskowej // *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Historica*. 1986. T. 28. S. 77–79.

24 AAN. Delegacja RP przy Lidze Narodów w Genewie. 2/513/0-/186. S. 122.

25 Ibid. S. 123–124.

26 Ibid. S. 103.

принятия. Однако быстро выяснилось, что выпестованный поляками текст не произвел ожидаемого впечатления, мировую прессу он почти не заинтересовал, в некоторых странах, например в Германии, даже имели место иронические выпады против Польши.

Стоит отметить, что польский проект морального разоружения органично вписывался в систему пакта Бриана-Келлога и Локарнские соглашения, так как представлял собой логическое продолжение и развитие этих идей. Под чутким руководством польской стороны уже в марте 1932 г. был создан инициативный комитет²⁷, в задачи которого входили определение четкой разницы между материальным и моральным разоружением, а также разработка способов реализации последнего. Однако его работа так и не привела к каким-либо практическим результатам.

Компромиссный проект конвенции о моральном разоружении был представлен в декабре 1933 г., однако к тому моменту Польша уже начала сомневаться в возможностях Лиги наций быть гарантом стабильности и мира, и как следствие – утратила интерес к дальнейшей работе в Комиссии по разоружению. Влияние на это прежде всего оказали два фактора – во-первых, декларация от 11 декабря 1932 г. о признании принципа «равноправия» Германии в вопросе вооружения, и во-вторых, разрыв Германии с Конференцией по разоружению 14 декабря 1933 г. Для Пилсудского и Бека стало очевидным, что ключ к польской безопасности лежит отнюдь не в активном сотрудничестве с Лигой наций, а в двусторонних соглашениях с соседними государствами. Плодом этой внешнеполитической концепции явились прежде всего польско-советский (1932 г.) и польско-германский договоры (1934 г.)²⁸. Таким образом, данные договоры наряду со снятием с себя обязательств, которые накладывала статья 12 договора о нацменьшинствах, явили собой переломный момент в отношениях между Лигой наций и Варшавой. С точки зрения собственных интересов Польши Лига утратила свою необходимость. Как считал Ю. Бек, Лига никогда не приобрела характер универсальной организации, и со временем она «все больше становилась инструментом определенной группы государств, все менее многочисленной»²⁹.

27 Ibid. 2/513/0/-/192. S. 55.

28 См. подробнее: *Ken O. H.* Москва и пакт о ненападении с Польшей (1930–1932 гг.). СПб., 2003; *Lapter K.* Pakt Piłsudski – Hitler: Polsko-niemiecka deklaracja o niestosowaniu przemocy z 26 stycznia 1934 roku. Warszawa, 1962.

29 *Beck J.* Ostatni raport. Warszawa, 2014. S. 48.

Источники и литература

Archiwum Akt Nowych (AAN).

Документы внешней политики СССР. Т. VI. М.: Госполитиздат, 1962. 646 с.

Кен О. Н. Москва и пакт о ненападении с Польшей (1930–1932 гг.). СПб.: ПИЯФ РАН, 2003. 130 с.

Матвеев Г. Ф. Институт защиты национальных меньшинств Лиги наций и его место в становлении международной нормы самоопределения наций // Электронный научно-образовательный журнал История. 2016. № 5 (49).

Хайцман В. М. СССР и проблема разоружения (между первой и второй мировыми войнами). М.: Издательство АН СССР, 1959. 451 с.

Beck J. Ostatni raport. Warszawa: Liber Electronicus, 2014. 319 s.

Brzeziński A. M. Warszawa–Paryż–Genewa: sojusz polsko-francuski a problem rozbrojenia w dwudziestolecu międzywojennym, 1919–1937. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1996. 177 s.

Brzeziński A. Maria Skłodowska-Curie a polski projekt “rozbrojenia moralnego” w Lidze Narodów (1931–1933) // Annales UMCS. Historia. 2011. T. 1. № 66. S. 119–138.

Fiedor K. Formy antypolskiej działalności w Prusach Wschodnich w latach 1918–1939 // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1967. № 4. S. 485–517.

Кодекс карны з коментарзем. Львів: Заклад Народowy im. Ossolińskich, 1932. 470 s.

Kolasa J. The International Intellectual Cooperation Organization of the League of Nations. Wrocław: Ossolineum, 1962. 208 p.

Korczyk H. Przyjęcie Niemiec i Polski do Rady Ligi Narodów w 1926 roku. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1986. 386 s.

Lapter K. Pakt Piłsudski – Hitler: Polsko-niemiecka deklaracja o niestosowaniu przemocy z 26 stycznia 1934 roku. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962. 329 s.

Michowicz W. Ewolucja stanowiska Polski wobec Ligi Narodów w okresie międzywojennym // Polska wobec idei integracji europejskiej w latach 1918–1945. Zbiór studiów pod redakcją M. Wojciechowskiego. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2000. 296 s.

Michowicz W. Genewska Konferencja Rozbrojeniowa (1932–1937) a dyplomacja polska. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1989. 512 s.

Michowicz W. Polskie plany rozbrojenia moralnego w okresie międzywojennym // Kwartalnik Historyczny. 1975. № 2. S. 321–346.

Sierpowski S. Polskie plany moralnego rozbrojenia w okresie międzywojennym // *Studia z dziejów najnowszych*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1989. S. 121–132.

Sobczak J. Propaganda zagraniczna Niemiec weimarskich wobec Polski. Poznań: Instytut Zachodni, 1973. 355 s.

Stachura P. Poland, 1918–1945: an interpretive and documentary history of the Second Republic. London; New York: Routledge, 2004. 240 p.

Stawecki P. Stanowisko polskiego Sztabu Generalnego wobec problemu rozbrojenia w latach 1921–1934 w świetle akt proweniencji wojskowej // *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Historica*. 1986. T. 28. S. 61–87.

Walters F. P. A History of the League of Nations. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1965. 833 p.

Wells H. G. Washington and the hope of peace. In an appendix are given verbatim reports of the speeches of Mr. Hughes and M. Briand. London: W. Collins Sons & Co. Ltd, 1922. 272 p.

References

Beck, J. *Ostatni raport*. Warszawa: Liber Electronicus, 2014, 319 p.

Brzeziński, A. M. *Warszawa–Paryż–Genewa: sojusz polsko-francuski a problem rozbrojenia w dwudziestoleciu międzywojennym, 1919–1937*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1996, 177 p.

Brzeziński, A. “Maria Skłodowska-Curie a polski projekt «rozbrojenia moralnego» w Lidze Narodów (1931–1933).” *Annales UMCS, Historia*, 2011, vol. 1, No 66, pp. 119–138.

Dokumenty vneshnei politiki SSSR. T. VI. Moscow: Gospolitizdat, 1962, 646 p.

Fiedor, K. “Formy antypolskiej działalności w Prusach Wschodnich w latach 1918–1939.” *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, 1967, No 4, pp. 485–517.

Hajcman, V. M. *SSSR i problema razoruzheniia: (mezhdru pervoi i vtoroi mirovymi voinami)*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1959, 451 p.

Ken, O. N. *Moskva i pakt o nenapadenii s Pol'shei (1930–1932 gg.)*. St Petersburg: PIYAF RAN, 2003, 130 p.

Kodeks karny z komentarzem. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1932, 470 p.

Kolasa, J. *The International Intellectual Cooperation Organization of the League of Nations*. Wrocław: Ossolineum, 1962, 208 p.

Korczyk, H. *Przyjęcie Niemiec i Polski do Rady Ligi Narodów w 1926 roku*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1986, 386 p.

Lapter, K. *Pakt Piłsudski – Hitler: Polsko-niemiecka deklaracja o niestosowaniu przemocy z 26 stycznia 1934 roku*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962, 329 p.

Matveev, G. F. "Institut zashchity natsional'nykh men'shinstv Ligi natsii i ego mesto v stanovlenii mezhdunarodnoi normy samoopredeleniia natsii." *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal Istoriia*, 2016, No 5 (49).

Michowicz, W. "Ewolucja stanowiska Polski wobec Ligi Narodów w okresie międzywojennym." *Polska wobec idei integracji europejskiej w latach 1918–1945. Zbiór studiów pod redakcją M. Wojciechowskiego*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2000, 296 p.

Michowicz, W. *Genewska Konferencja Rozbrojeniowa (1932–1937) a dyplomacja polska*. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1989, 512 p.

Michowicz, W. "Polskie plany rozbrojenia moralnego w okresie międzywojennym." *Kwartalnik Historyczny*, 1975, No 2, pp. 321–346.

Sierpowski, S. "Polskie plany moralnego rozbrojenia w okresie międzywojennym." *Studia z dziejów najnowszych*, Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1989, pp. 121–132.

Sobczak, J. *Propaganda zagraniczna Niemiec weimarskich wobec Polski*. Poznań: Instytut Zachodni, 1973, 355 p.

Stachura, P. *Poland, 1918–1945: an interpretive and documentary history of the Second Republic*. London; New York: Routledge, 2004, 240 p.

Stawecki, P. "Stanowisko polskiego Sztabu Generalnego wobec problemu rozbrojenia w latach 1921–1934 w świetle akt proweniencji wojskowej." *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Historica*, 1986, vol. 28, pp. 61–87.

Walters, F. P. *A History of the League of Nations*. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1965, 833 p.

Wells, H. G. *Washington and the hope of peace. In an appendix are given verbatim reports of the speeches of Mr. Hughes and M. Briand*. London: W. Collins Sons & Co. Ltd, 1922, 272 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.06

A. Ye. Kuzmicheva

**Polish projects of moral disarmament in the interwar period:
J. Pilsudski and J. Beck's tactics**

Anastasiia Ye. Kuzmicheva

Candidate of History, associate professor

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: aekuzmicheva@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0304-5154

Citation

Kuzmicheva A. Ye. Polish projects of moral disarmament in the interwar period: J. Pilsudski and J. Beck's tactics // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 120–134 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.06

Acknowledgements

This research was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation, project no: 24-18-00461, <https://rscf.ru/project/24-18-00.461/>.

Received: 17.01.2024.

Revised: 19.01.2024.

Accepted: 12.03.2024.

Abstract

The article examines cooperation between Poland and the League of Nations in the interwar period. Specific attention is given to the role of Polish diplomacy in the development of the moral disarmament project. By “moral disarmament”, as opposed to material disarmament, implied the use of psychological, ethical, and ideological instruments to reduce aggression, create a favorable environment for peace, and encourage the resolution of conflicts through negotiation and diplomacy. Warsaw regularly emphasized the priority of moral disarmament over military disarmament, arguing that disarmament alone would not automatically end military conflicts if the will to fight persisted. These ideas fell on the fertile soil of diplomacy of the time and were perceived as an effective mechanism in the struggle for peace, as they organically fitted into the system of the Briand-Kellogg Pact and the Locarno agreements, representing a logical continuation and development of these ideas. However, despite their potential effectiveness, these projects were not destined to be implemented. This was partly due to the fact that already in the early 1930s, the actual head of Polish foreign policy, J. Piłsudski, came to the conclusion that the League of Nations as such, as well as the system of collective agreements, were ineffective. In that respect he preferred to build relations with neighbors bilaterally.

Keywords

J. Piłsudski, J. Beck, League of Nations, moral disarmament, interwar diplomacy, international relations in the 1920s–1930s, Second Polish Republic.